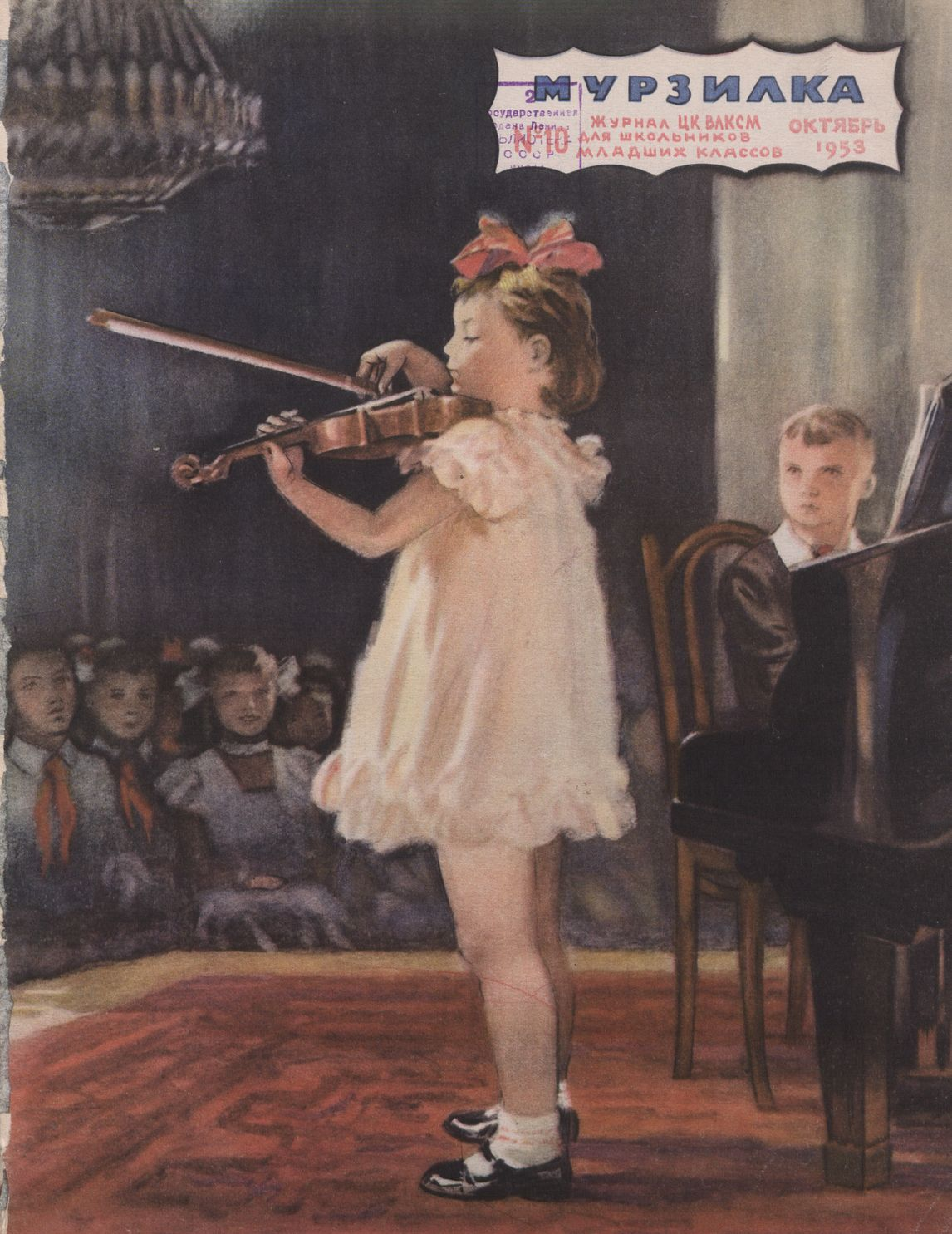

МУРЗИЛКА
№ 10
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ
МЛАДШИХ КЛАССОВ
ОКТЯБРЬ
1953

Рис. А. РОМОДАНОВСКОЙ

Реет зимой и летом,
Осенью и весной
Знамя над Моссоветом —
Знамя страны родной.

НИКОЛАЙ БОГДАНОВ

Рис. Ю. КОРОВИНА

БАЗА ВЕРХОЛАЗА

Петя, Миша, Маша, Надя, даже маленький Алёша так гордились своим отцом, что сочинили про него загадку:

Угадайте, кто такой:
Над красавицей Москвой
В чёрной маске и с мешком
Ходит по небу пешком?

Звёзды синие роняет,
К небу лестницу ровняет,
Из больших стальных колонн
Дом высотный строит он
И для нас и для вас
И зовётся...

Девочки и мальчики, собравшиеся со всего двора, хором отвечали:

— Верхолаз!

Ребятам это было очень приятно: не у каждого такой отец! Заботились они о нём, как только могли. Отец на порог — Петя ему помогает раздеться. У Маши уже накрыта скатерть-самобранка. Надя ставит на стол горячий суп или борщ. Пока отец моется под душем, Миша подаёт ему пижаму и мягкие туфли.

А малыш Алёша уже держит в руках газеты и журналы, которые отец любит читать после обеда.

Однажды отец пришёл домой хмурый. Встревожились ребята. Посоветовались. Дома всё было хорошо. В школе тоже. Уроки выучены. Ни у кого ни одной тройки, не то что двойки. Наверное, у отца какие-нибудь трудности на работе. И Петя, как самый старший, спросил:

— Папа, что с тобой? Ты переживаешь трудности?

Отец удивлённо вскинул брови. Оглядел всю притихшую детвору и сказал:

— Переживаю.

— На высоте страшно, да? — выскочила Маша, хотя никто её не просил. Её уже критиковали за то, что она чересчур болтлива, как сорока. Надо же задать отцу такой вопрос!.. Разве отец их когда-нибудь трусил? Он герой войны был!

Все зашикали на Машу. И она смутилась.

— Нет, ребятки, высоты не боюсь... — сказал отец. — Другая у меня беда — осыпаюсь. Понимаете — осыпаюсь на высоте, как осенний клён... Всё с меня летит и падает вниз. Выпустил из рук карандаш — и нет его. Обронил записную книжку с чертёжиком — и фьють, нырнула в пропасть... Положил платок мимо кармана — упорхнул и, как белый голубь, пошёл летать по кварталам... Ко всему привык на высоте. И к тому, что, работая, нужно цепью к стальным балкам прицепляться. И к тому, что по балкам и карнизам надо ходить, как

по лесным тропинкам, вниз не смотреть, а только вперёд... А вот к тому, что уронишь — не поднимешь, привыкнуть не могу...

— А сам не упадёшь? — спросила боязливая Надя.

— Нет, зачем же! У нас техника безопасности. Там, где нужно, внизу стальная сетка. А где её нет — мы цепями за балки зацепляемся. Если сорвёшься — повисишь немного на высоте, как ёлочная игрушка на ветке, а потом либо сам к балке подтянешься, либо тебя подтянут, — улыбнулся отец.

Ребята притихли. Представили себе отца в виде ёлочной игрушки, и им стало страшновато.

— Третью трубку сегодня обронил, — продолжал отец. — Любимую...

Когда отец лёг вздремнуть, ребята устроили на кухне закрытое заседание. Дверь закрыли и говорили шопотом.

— Это что, трубка! — сказал Петя. — Один верхолаз уронил кошелёк с получкой...

— Да как же они всё роняют, надо держать крепче, — сказала Маша.

— Крепче!—сказал Петя. — А ты попробуй! Попробуй ничего не поднимать, что уронишь. Сколько раз в день что-нибудь да уронишь... Посчитай-ка.

— И тетрадку, и ручку, и пенал, и чулки... и рубашку... и штаны... — стал считать лучший в семье математик Миша и заявил: — Пожалуй, если ничего не поднимать, я в один день голым останусь.

Призадумались ребята. Вот не ожидали, что на высотной работе есть такая беда: «уронишь — не поднимешь»!

Вдруг Маша взглянула на Алёшу, всплеснула руками и закричала своим самым громким в семье голосом:

— Нашла! Нашла! Привязывать! Надо всё привязывать, как Алёшеньке варежки. Помните, когда он тоже на высоте был? Когда его всё больше на руках носили?

Все взглянули на Алёшу. Потом начали его тормошить, ласкать, как будто это он и подал такую верную мысль.

— У Алёшеньки были варежки на тесёмочках! Валеночки на резиночках! — затараторила Надя.

Быстро от слов перешли к делу, и пока отец спал, ему приготовили целую кучу образцов высотного снаряжения. Девочки достали все имевшиеся у них тесёмки, мальчики — все резинки, даже от рогаток.

И когда с работы вернулась мать, она с удивлением остановилась на пороге. Никто её не встречает. Отец стоит посреди

комнаты, а вся детвора увязывает его тесёмками, как лилипуты великана.

К обшлагам рукавов, к карманам, к пуговицам рабочего пиджака привешивают карандаши, записные книжки, носовые платки. И ещё что-то, и ещё что-то...

— Товарищи, что это значит? — сказала мама, сгружая на стол покупки.

Когда выяснилось, в чём дело, она стала смеяться. Ну, просто так смеялась, что не могла остановиться.

— И нечего тут смеяться, — сказал отец. — Сама же меня за утерянные носовые платки прорабатываешь... А теперь попробуй вот, оторви что-нибудь. Изобрази порыв ветра!

— Попробуй, попробуй, мама! — закричали ребята. — Посмотри, как крепко! Вот карандаш, он на резинке... Вытащишь, черкнёшь, что надо, и отпускай. Р-раз! И он обратно в карман! Это резинка от рогатки. Помнишь, которую ты у Пети забрала?

В конце концов и мама была вовлечена в изобретательство.

Она предложила укрепить на резинке и трубку. Нашлась у неё одна в запасе. Старый подарок отцу от его фронтовых товарищей. Только с трубкой получилось недоразумение. Она выскочила изо рта, когда отец неудачно повернулся, и, рассыпая огонь, стала качаться на нём, как маятник на часах.

Пришлось применить цепочку от старых ходиков.

— Ничего, папа, ничего, мы всё усовершенствуем... — говорил Петя, туша на отце искры.

Наутро все проснулись чуть свет, чтобы проводить отца на высотный дом оборудованным по-высотному: с антивысотными

резинками, на которых высотные карандаши, записные книжки, носовые платки, трубка, высотные спички...

Поначалу отец путался во всех резинках и тесёмках, они задевали друг друга. Но обещал привыкнуть.

И, вернувшись домой, радостно крикнул:

— Ура, граждане, сегодня без потерь!

Товарищи-верхолазы посмеивались над его «высотным оборудованием», а потом стали завидовать. И всё спрашивали:

— Где это так оборудывают? На нашем складе? Или на какой-нибудь технической базе снабжения?

— Да, — отвечал отец, — есть у меня такая база, собственная, семейная! Петя, Миша, Маша, Надя и товарищ Алексей...

ЛЕВ КАССИЛЬ *Рис. В. АНДРИЕВИЧА*

ТЕАТР КУКОЛ

— Карр!.. Карр!.. Начинаем концерт лесных артистов! Птицы и звери, спешите на представление!

Так, сидя на суку, громко, на весь лес, возвещает лесное радио — большеротый, горластый Воронёнок. Сейчас соберутся на его зов птицы и звери. Начнётся на лесной полянке весёлый концерт. Птицы и звери человечьими голосами заговорят. Складные песни будут петь.

То ли ещё тут увидеть можно! Погляди: скачет на гордом прекрасном коне могучий Илья-богатырь, крестьянский сын. Тяжёлой палицей-дубинкой размахивает, кличет грозным голосом:

— Эгей! Уходите прочь с пути, враги злые! Не дадим вам в обиду родную нашу землю!..

А завтра тут море разольётся, корабли поплывут. Или встанут белокаменные башни крепостные. Всё, про что в книжках написано, здесь своими глазами увидеть можно. А иной раз встретишь тут такое, про что и в книжке ещё нигде прочесть не успел. Такие чудеса есть, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Вот вышли весёлые медвежата, дружный мохнатый лесной народ. У них в лесу

строго: они хороший порядок завели, всё у ребят из детского сада перенимают.

Чуть проснулись: с добрым утром! Пожалуйте умываться, зубы чистить, мохнатым полотенцем вытираться насухо... А сначала — марш на зарядку! Ать-два! Ать-два!.. Лапки вместе, лапки врозь, хвостик кверху, хвостик вниз!.. Очень хорошо.

Утром тут весёлые медвежата выступали, а вечером знаменитый Буратино со своим золотым ключиком появился.

— Здравствуйте! Вот и я! Узнали?

Как же не узнать его, этого занозистого непоседу, которого выточили из полена. Здравствуй, Буратино! Здорово, друг!..

И радуются ребята, что увидели своими глазами носатого-языкатого, храброго и отважного Буратино.

А это что такое? Что за шум? Кто это там так раскукарекался?

Новое чудо... Бежит Петух, под крылом косу держит, Лисе голову срубить грозится.

Ну, поглядели ребята на Петуха с косой, на хитрую болтливую Лису, на доброго Зайца и пошли домой. Пришли сюда уже другие ребята и видят — идёт по дороге прямо навстречу им сам Кот в сапогах. Шляпа с пером набекрень. Усы в разные стороны торчат, пушистый хвост из-под плаща закорючкой. А в руке острая шпага. И говорит Кот человечьим языком:

— Меня послал маркиз Карабас. Вот я вас! Вот я вас!

А потом вдруг сказал на своём кошачьем языке: «Мяу»... И прыгнул в кусты — мышку увидел.

Тут коты не только в сапогах. Бывает, попадаются такие, что и в валенках.

Приходите сюда, посмотрите на кошкин дом. Красивый дом — загляденье!

И дорожки к нему все подметены. День и ночь усердный дворник-кот, в мягких валенках, метёт метлой дорожки перед домом.

Много здесь удивительных чудес увидеть можно.

Вот девочка Маша с медведем разговаривает, угощает его грибами, что собрала в лесу.

А вот «по щучьему веленью» кадка с водой сама в пляс пустилась...

Ну где ещё такое увидишь? Чтобы кадка сама плясала, медвежата зубы чистили, воронёнок вместо радио говорил, коты в сапогах и в валенках разгуливали? Ведь так только в сказках бывает.

Верно. Так бывает только в сказках. Но увидеть всё это можно своими глазами в Театре кукол. Ведь и воронёнок, и кот в сапогах, и медвежата, и кадка — всё это куклы.

Дома в куклы только ребята играют, большею частью девочки. А в этом театре куклами занимаются взрослые — артисты, художники, музыканты, писатели.

Писатели придумывают пьесы-сказки для кукол. Музыканты сочиняют песни для кукольного спектакля, музыку для оркестра, который играет во время представленья. Мастера-художники шьют, клеят, раскрашивают куклы.

Артистов в этом театре не видно. Они прячутся за красивой ширмой и говорят оттуда за кукол. Вот и получается, что Воронёнок и Кот в сапогах разговаривают по-человечьи.

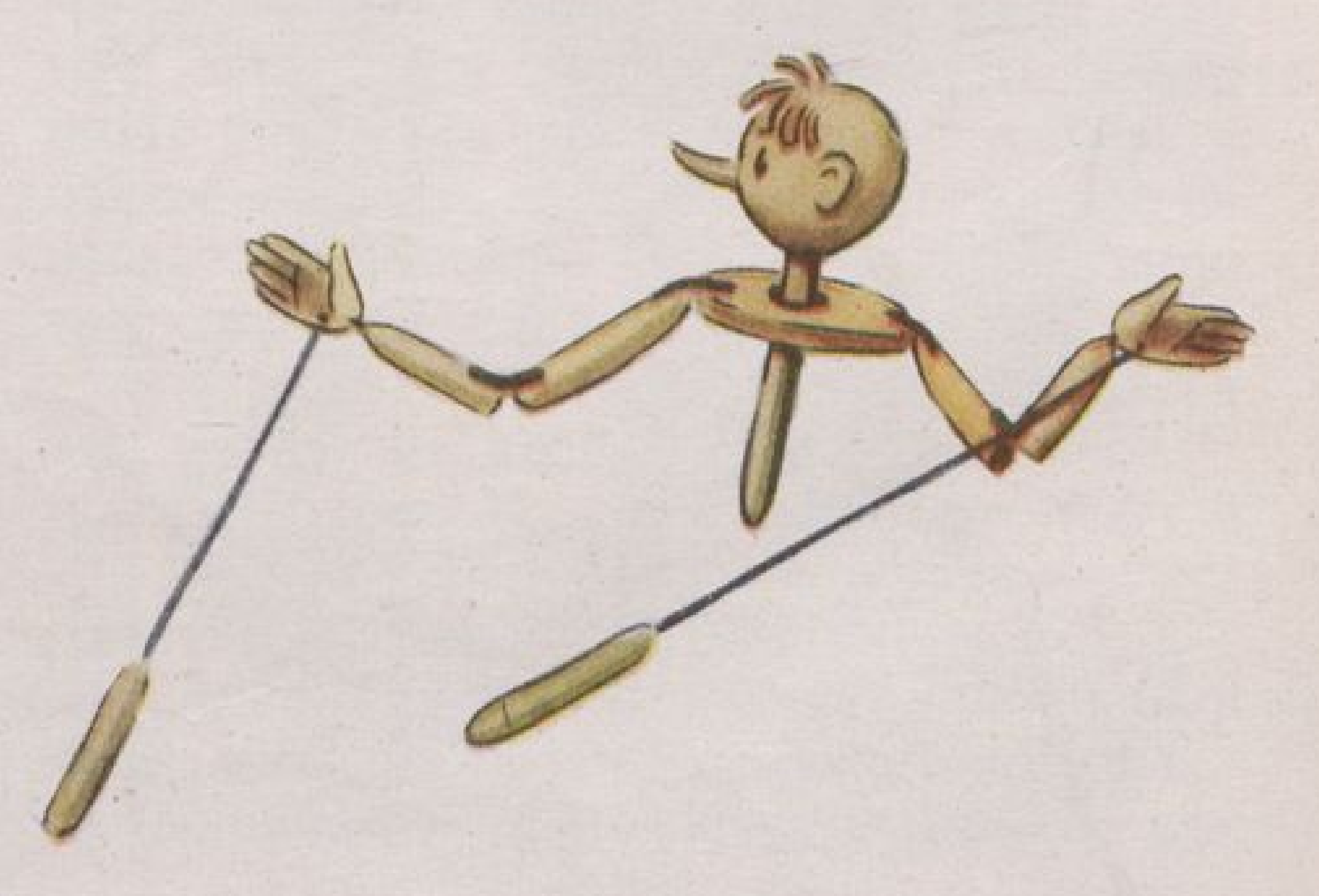
У артистов, которые спрятались за ширмой, на поднятых вверх руках надеты куклы. Иную куклу можно надеть прямо на руку, на пальцы. А большие куклы внутри, под одеждой, имеют особое устройство. Артист или артистка держит куклу над собой, а палочками, которые спрятаны в кукольной одежде, двигает в разные стороны. И кукла послушно поворачивает голову, кланяется, разводит руками...

Нелегкое дело быть артистом в кукольном театре. Надо так ловко управлять куклой, чтобы всем казалось, будто она сама двигается, как живая. И говорить за куклу надо так, чтобы каждое слово шло в лад с движениями куклы. Тогда и верится всем, что кукла сама ходит и разговаривает.

В Советской стране много кукольных театров для детей. Самый лучший и знаменитый находится в Москве. Он называется: Центральный театр кукол. Руководит им замечательный артист-кукольник, большой друг ребят и их любимец, народный артист республики Сергей Владимирович Образцов.

Наши ребята очень любят Театр кукол Образцова. Полюбили его и ребята других стран, куда на радость им приезжал Образцов со своими куклами. Теперь ребята пишут оттуда письма в Центральный театр кукол и шлют приветы маленьким его зрителям, нашим советским ребятам.

МОЙ ДЕДУШКА

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Рис. В. БИБИКОВА

У меня есть дедушка,
Как зима седой.
У меня есть дедушка
С белой бородой.

В день знакомства нашего —
Это не секрет —
Было мне полмесяца,
А ему сто лет.

С дедушкой большие мы
Верные друзья.
На рассвете с дедушкой
Просыпаюсь я.

Рядом видит солнышко
На зарядке нас.
Поднимаем руки мы
По команде «раз!».

Опускаем руки мы
По команде «два!».
Надо мной и дедушкой
Шелестит листва.

«Раз!» — присели вместе мы.
«Два!» — и вновь, друзья,
Выпрямились сразу мы —
Дедушка и я.

Мы проводим весело
Каждый день и час.
Длинноухий, маленький
Ослик есть у нас.

Дедушка на ослика
Сядет без труда,
И за повод ослика
Я веду тогда.

Сяду я на ослика,
Тут наоборот:
За уздечку ослика
Дедушка ведёт.

Он лошадкой сделаться
Может для того,
Чтобы покатался я
На плечах его.

А когда мой дедушка
Сядет на коня,
То сажает дедушка
На седло меня.

Я в сарай за лестницей,
Верьте, не пойду,
Чтоб сорвать созревшее
Яблоко в саду.

Потому что дедушка
Быстро и легко
Может вмиг поднять меня
Очень высоко.

Мы лезгинку с дедушкой
Любим танцевать.
Если мне приходится
Первым начинать,

То, прищурив умные
Добрые глаза,
Бьёт в ладоши дедушка
И кричит «арсса».

А коль пляшет дедушка,
Гибкий, как лоза, —
Я в ладоши хлопаю,
Я кричу «арсса».

Возле старой мельницы,
Где растёт кизил,
Плавали мы с дедушкой —
Дед меня учил.

И теперь мы с дедушкой
По волнам реки
Часто летом плаваем
Наперегонки.

Смастерил он дудочку
Мне из тростника.
Любят мою дудочку
Поле и река.

Любит мою дудочку
В роще соловей,
Потому что часто он
Подпевает ей.

А когда дождёмся мы
С дедушкой зимы,
То на санках под гору
С ним помчимся мы.

Голубыми искрами
Заклубится снег,
Эхо вновь откликнется
На весёлый смех.

Если вдруг рассердится
На меня мороз,
Если стану мерзнуть я
И тереть свой нос,

Тихо скажет дедушка:
— Прячься, воробей, —
И меня укутает
Буркою своей.

Много разных сказок он
Может рассказать,
До утра бы слушал их,
Да ведь надо спать.

Он читает книжки мне,
Ведь читать я сам
Не могу пока ещё
Даже по слогам.

Приезжайте в гости к нам
По горам крутым,
Сами познакомитесь
С дедушкой моим.

Перевёл с аварского
Я. Козловский

ТРИ СЕКРЕТА

Л. ВОРОНКОВА

Федя занимался в кружке резьбы по дереву. Он там научился выпиливать узорчатые рамки. Научился делать резьбу на ящичках и деревянных полках. А один раз из кусочка дерева Федя вырезал зайчика...

Федя взял его домой показать. Мать с улыбкой повертела в руках деревянного зайца и сказала отцу:

— Посмотри-ка — не хуже, чем дядюшка Трифон, вырезал!

Но отец покачал головой.

— Зайчишка ничего. Но Феде нашему до дядюшки Трифона далеко. У дядюшки Трифона все эти зверюшки, как живые, того гляди — бегать начнут.

— А давай съездим к дядюшке Трифону, — попросил Федя, — посмотрим его зверюшек.

— Вот наступят у тебя каникулы — и съездим, — обещал отец.

И вот, когда наступили каникулы, все трое — отец, мать и Федя — сели в электрический поезд и поехали к Загорску.

Но до самого Загорска не доехали и сошли на какой-то маленькой станции. А потом шли пешком по хрустящей снежной дороге. Дорога привела их прямо в деревню. Колхоз стоял на красивой горе, весь окружённый белыми деревьями. Избы тут были высокие, из крупных брёвен, с крашеными наличниками на окнах.

Дядюшка Трифон очень обрадовался гостям. А его жена, тётушка Дарья, сейчас же бросилась ставить самовар. Все сели за стол, хозяева стали угощать гостей, а Федя всё ходил и разглядывал избу — такая необыкновенная была изба: потолок здесь был голубой, стены красные... На стенах висели полочки и шкапчики, разрисованные разными красками. На полочках стояли деревянные ковшики с резными ручками, всякие блюда и миски, расписанные красными, синими и жёлтыми цветами...

А дядюшка Трифон глядел на Федю сквозь очки светлыми ласковыми глазами и всё уговаривал:

— Ты, Федя, поешь чего-нибудь. А стенки после рассмотришь.

После обеда отец сказал:

— А ведь Федя у нас, дядюшка Трифон, тоже по дереву режет.

И достал из кармана Фединого зайца.

Дядюшка Трифон посмотрел Федину работу и сказал:

— Учиться надо. Пойдём, я тебе кое-что покажу.

Дядюшка Трифон открыл большой шкап. И на Федю глянули деревянные человечки — и кузнецы у горна с поднятым молотом, и гимнасты, повисшие на турнике, и штурвальный на комбайне, и девушка у ткацкого станка, и маленькие ребятишки с телятами...

Потом открыл дядюшка Трифон другую полку, и Федя примолк. Там стояли звери — деревянные медведи, волки, лисицы... Зайцы были тоже — но как не похожи на Фединого зайчика! И Федя вдруг увидел, что зайчик его просто еле обструганный кусочек дерева.

Федя долго разглядывал деревянных зверюшек. И чем больше смотрел, тем больше казались они ему живыми.

— Они ходят? Шевелятся? — спросил Федя.

— Нет, — усмехнулся дядюшка Трифон, — не ходят. И не шевелятся.

Федя недоверчиво посмотрел на него — не может быть, чтобы эти зверюшки не ходили и не шевелились. Вон как хитро и живо поглядывают они на Федю.

Вечером отец и мать стали собираться домой. Но Феде ни за что не хотелось уезжать.

— Ну, что ж вы его торопите? — сказал дядюшка Трифон Фединой матери. — Пусть у нас поживёт недельку, а потом за ним приедете!

Тётушка Дарья устроила Феде уютную постель возле самой печки.

Федя лёг спать, а сам думал:

«Завтра как встану, так попрошу, чтобы показал мне, как надо резать. И чем он режет — тоже посмотрю».

Но когда утром Федя вошёл

в мастерскую, то был разочарован. Дядюшка Трифон дал ему кусочек дерева и семь обыкновенных стамесок. Первая стамеска была большая — этой чурочку обстругивают с самого начала. Вторая стамеска поменьше, третья ещё меньше. А последняя, седьмая, была совсем узенькая, как шильце. Дядюшка Трифон положил их перед Федей рядком и сказал:

— Ну вот — весь набор перед тобой. Мастери!

«А своего-то инструмента мне не дал, — подумал Федя. — Разве он своих зверюшек стамесками режет? Не может быть! Ведь у них и шёрстка, и зубки... Разве стамесками вырежешь?»

— Посмотри хорошенько на эту чурочку, — сказал дядюшка Трифон, — и скажи, какого зверька ты в ней видишь.

Федя пристально посмотрел на чурочку.

— Лисичку, — сказал он.

Дядюшка Трифон довольно кивнул головой.

— Хорошо. Режь лисичку.

Федя, как и полагалось, взял сначала большую стамеску и стал обрезать со всех сторон чурочку. Вот тут у лисички будет голова, а здесь хвост. Но резал-резал, и вдруг видит, что для хвоста чурочки нехватает. Коротка чурочка.

— Не рассчитал, значит, — сказал дядюшка Трифон, — бери другую.

Федя взял другую чурочку. Он долго глядел на неё, рассчитывал: вот тут голова, тут ноги, тут хвост. И опять начал резать — сначала одной стамеской, потом другой, потом третьей... Долго сидел, до самого обеда.

— Вот, готово! — сказал он и поставил лисичку перед дядюшкой Трифоном.

В это время вошла тётушка Дарья.

— Идите обедать, мастера!

Дядюшка Трифон подозвал её и спросил:

— А что — хороша зверюшка?

Тётушка Дарья посмотрела на Федину лисичку и с одной стороны и с другой.

— Это кто же? Что-то не пойму никак. По хвосту — вроде кошка, по ушам — вроде барашек, а по морде — вроде на нашего Шарика смахивает...

— Да это лисичка! — с обидой закричал Федя.

Но дядюшка Трифон спокойно сказал ему:

— Без труда не вынешь и рыбку из пруда. Но скажи мне: ты когда-нибудь лисичку видел?

— Видел. На картинке.

— А кошку видел?

Федя улыбнулся:

— Да вот же она!

И подхватил на руки пушистого светло-серого кота, который сидел рядом с ним на скамейке.

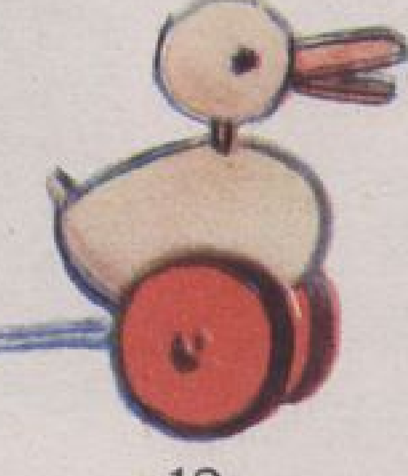
— Вот разгляди его хорошенько, да и сделай такого же, — сказал дядюшка Трифон. — Погляди, как он ходит, как хвостом поводит, как ушками шевелит... Авось, тогда тётушка Дарья не ошибётся!

Прошёл день, другой, третий... Федя сначала безустали вырезал разные фигурки — то кошку, то гусей, то корову, то лошадку. Вырезал и воробьёв, которые прилетали во двор, когда тётушка Дарья кормила кур. И кур вырезал тоже. Дядюшка Трифон помогал ему, показывал, что так, а что не так. И тётушка Дарья почти всегда угадывала, кого именно Федя вырезал.

И Федя бывал очень доволен. Однако стоило ему заглянуть в дядюшкин шкап да увидеть всех его зверюшек, то на свою работу и глядеть не хотелось.

«Нет, — вздыхал он, — не открывает мне дядюшка Трифон своего секрета!»

Дядюшка Трифон любил работать поздно вечером. Когда все улягутся спать, он идёт в свою мастерскую и сидит там, сидит... Както Федя проснулся среди ночи, смотрит — из-под двери мастерской видна жёлтая полоска света.

И вдруг захотелось Феде посмотреть, как работает дядюшка Трифон, каким волшебным инструментом режет он своих деревянных зверей.

Федя тихонько открыл дверь и вошёл в мастерскую. Там никого не было. Но на столе лежала кучка маленьких белых стружек, а рядом стоял тонконогий рогатый олень.

Федя взялся за ручку ящика, хотел открыть... Но тут в мастерскую тихо вошёл дядюшка Трифон, молчаливый, задумчивый. От него веяло ночным морозцем, и в бороде сверкали снежинки.

Феде стало так неловко и так стыдно, что хоть сквозь пол провались. Вот до чего дожил, подглядывать пришёл! Но дядюшка Трифон будто и не удивился, увидев Федю.

— Ходил ёлки посмотреть, — сказал он, — хочу вот этого оленя в ёлки поставить. А при месяце их так-то хорошо видно — что ждать до утра?

Он тут же сел к столу, подобрал чурочку и достал из ящика все свои семь стамесок.

— Стамески? Те же самые?.. — прошептал Федя и взял одну стамеску в руки. — И больше ничего? И никакого секрета?

— Почему же нет? Есть у меня и секреты, — с задумчивой улыбкой ответил старый мастер, а маленькие белые стружки уже летели из-под его руки. — Есть у меня, Федя, три могучих секрета. Это — терпение да труд, а самый главный секрет — любовь к своему делу. С этими секретами человек может браться за любую работу и — могу тебя заверить — сделает эту работу хорошо.

Через неделю отец приехал за Федей. Федя простился с дядюшкой Трифоном и с тётушкой Дарьей.

Сейчас он учится в школе и с увлечением работает в кружке резьбы по дереву. И в учёбе и в работе Федя не забывает применять три «секрета» дядюшки Трифона — терпение, труд и любовь к делу. И надо сказать, что дела у него ладятся.

КОСТИНА ПРИЧЁСКА

МИХАИЛ КОРШУНОВ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Ребята играли втроём — Вася, Костик и соседский мальчик Никита. Во время игры старший из ребят, Вася, неожиданно вспомнил, что должен отвести Костика в парикмахерскую. Костик сильно зарос.

Перед уходом на работу мама строго наказала: если Костик и сегодня останется кудлатым, то ему не позволят носить чёлку и снова остригут наголо.

Ребята заперли на ключ комнату и побежали в детскую парикмахерскую. Она была напротив.

На дверях парикмахерской уже висела надпись: «Закрыто».

Вася всё же открыл дверь, и ребята вошли. Высокий сутулый швейцар подметал пол. Вася подошёл к швейцару поближе и спросил:

— Скажите, можно ещё подстричься?

Швейцар набрал из кружки в рот воды, побрызгал пол и тогда ответил:

— А я думал, ты грамотный.

— Я грамотный, — с обидой ответил Вася.

— А для грамотных на дверях указано, можно ещё стричься или нет. Завтра приходите, завтра!

Опечаленные ребята вышли на улицу.

— Пойдёмте, — сказал Вася, — я знаю ещё одну парикмахерскую.

Но эта парикмахерская была не для детей, а для взрослых.

— Ребят обслуживаем только по утрам, — ответили здесь.

— Ну что теперь, Костик, с тобой делать? — вздохнул Вася, когда ребята снова оказались на улице. — Мама сказала, что больше откладывать не будет, а стричься негде.

Притихшие и грустные возвращались они домой. Неожиданно Никита воскликнул:

— Чур, я придумал! Чур, я!

— Чего ты придумал? — спросил Вася.

— А вот и придумал!

— Ну, чего?

— Сами стричь давайте!

— Сами... — призадумался было Вася. — А правда, давайте!

Дома ребята устроили всё, как в настоящей парикмахерской. На стол поставили зеркало, папин прибор для бритья, собрали и разложили все гребешки и ножницы, какие были в доме.

— Ну, садись, — важно сказал, наконец, Вася, выбирая самый большой гребешок и самые большие ножницы.

Костик уселся на стул.

— Не дрыгайся и не ёрзай! — Вася повязал Костику на грудь полотенце.

— А? — сказал Костик и тут же вытянул шею и скорчил в зеркало гримасу.

— Я же сказал тебе — не ёрзай!

— А я и не ёрзаю!

Вася дал гребешок держать Никите— чтобы гребешок был наготове, а сам взял в обе руки ножницы, пощёлкал ими в воздухе и, хмурясь, обошёл вокруг Костика, примеряясь, откуда начать.

Костик снова закрутил головой.

— Ты опять? — строго сказал Вася.

— А чего Никита мне рога наставляет!

— Ладно, сиди! — И Вася, нагнув Костику голову, прицелился и вырезал на затылке первый клок волос. Потом ещё один.

— Ой, больно! — пожаловался Костик. — Ножницы не дёргай!

Вася взглянул на ножницы и ещё пощёлкал ими в воздухе. Потом подул на них.

— Не выдумывай! — И продолжал срезать волосы.

Вскоре затылок Костика покрылся сплошными выстригами. Вася стал подравнивать. Вышло ещё хуже. Вася попробовал причесать, но волосы упрямо ерошились — одни длинные, другие короткие.

Никита ткнул пальцем в Костину макушку:

— Вася, вот смехота! Завитушка!

— Какая завитушка? — спросил Костик.

— И у тебя такая есть, — сказал Вася Никите.

— Где у него? — И Костик слез со стула.

Принялись разглядывать Никитину голову.

Наконец Костик опять взобрался на стул.

— Лучше я вначале тебе спереди подрежу, — сказал Вася.

Пока он резал, Костик, подняв глаза, следил за ножницами.

— Криво, — заметил Никита.

Вася отошёл, поглядел — и верно, немного криво.

— Сейчас подровняю.

Подровнял.

— Опять криво, — сказал Никита.

Чуб у Костика заметно сократился. Вася подровнял ещё, и снова вышло косо.

— Может, у него голова гнутая? — предположил Никита.

Осмотрели Костину голову — как будто везде круглая.

— Надо линейку, — решительно сказал Вася.

Принесли линейку и приложили её к Костиному лбу. Линейка как следует

не прижималась. Никита держал её, а Вася отрезал по линейке ножницами.

— Опять кривулина получилась, — сказал Никита.

— Надо карандаш. — И Вася принёс химический карандаш.

— Мне надоело. Не хочу я больше! — заупрямился Костик.

— Обожди. Уже недолго. — Вася послюнил карандаш и навёл по линейке у Костика на лбу черту. Отрезал по черте — и... снова перекос.

Костик увидел себя в зеркале и тихо всхлипнул. От чуба остался небольшой клочок.

— Ничего, — утешил брата Вася, — сейчас получится. Ты только не плачь! Сейчас всё получится.

Резанул — и вместо чёлки осталась жалкая кочерыжка волос.

В прихожей зазвенели ключи, скрипнула дверь. Послышались голоса — вначале папин, потом мамин.

Никита быстро положил гребешок и сказал:

— Я пошёл домой.

Голоса приближались.

— Что тут такое? — спросила мама, входя в столовую.

Никита зажмурился, как от сильного света, и скороговоркой выпалил:

— Здравствуйте! Мне обедать нужно!

Вася стоял с ножницами и линейкой в руках. Костик — рядом, с полотенцем, обстриженный, с чертой на лбу, готовясь к сильному плачу.

— А может, ты, Никита, с нами отобедаешь? — сказал папа.

Никита ничего не ответил и, осторожно переступая с места на место, подвигался к выходу в коридор.

— Ну, чья работа? — продолжал отец.

— Моя, — понуро ответил Вася. — Ещё не докончил. Подровнять осталось.

— Ну, подровняй, — снова спокойно сказал папа. — Вот и Никита тебе поможет.

Костик заплакал, размазывая по лицу чернильную полосу.

— Пусть таким и ходит, — сказала мама, пытаясь сдержать улыбку. — Пусть все посмотрят, какую ему Вася сконструировал причёску.

— Эх вы, горе-плотники! — сказал папа.

— А почему плотники? — не поднимая головы, спросил Вася.

Никита глядел в сторону и молчал.

— А вот жил один человек, и была у него табуретка. Хорошая табуретка, слегка только качалась. И решил этот человек ей сам ножки подровнять. «Эка мудрость! — подумал он. — И без плотника обойдусь». Подпилил он одну ножку — качается табурет. Подпилил другую — не помогло. Укоротил третью — опять качается. И так ровнял ножки этот горе-плотник до тех пор, пока от табуретки осталась одна доска.

Отец притянул к себе Костину голову, взял у Васи ножницы и чикнул по последнему кустику волос.

— Поздно, брат, реветь! Поздно.

СВЕТ В АУЛЕ

Рашид ***РАШИДОВ***

Рис. А. ***КОРОВИНОЙ***

Об одном событьи важном
Рассказать вам или нет?
Расскажу...
Зажёгся свет
В нашей сакле двухэтажной.

Видит бабушка Зазай
Лампочку включённую,
Тащит бабушка в сарай
Лампу закопчённую:
Хватит, больше не нужна,
Отжила свой век она!

Свет горит, ему не лень,
Вечер стал похож на день.

Даже ласточкины дети
В глиняном гнезде своём,
Думая, что солнце светит,
Стали щебетать, как днём.

У меня есть брат Ахмед
Четырёх без мала лет.

Он пока что букв от точек
Не умеет отличать,
Но он книжку взял и хочет
Сесть под лампой и читать.

Видно, думает мальчишка,
До того, мол, свет хорош,
Что возьмёшь любую книжку —
Не умеешь, а прочтёшь.

Весел свет и светел смех,
На душе светло у всех.
Кот один не весел очень,
Под ноги бросается,
Электричества не хочет —
Опасается:
Мол, зачем мне этот свет,
Вижу так, нужды в нём нет.
Вообще без новшеств этих
Обходился до сих пор,
Да и как при этом свете
Мыши вылезут из нор!

Перевёл с даргинского Н. Гребнев

Рис. В. ЩЕГЛОВА

ХИТРЫЙ ГОСТЬ И ЖАДНЫЙ ХОЗЯИН

Приехал однажды Сюй Вэнь-чжан на осле в деревню к своему приятелю.

Приятель богатый был, но жадный. Встретил он Сюй Вэнь-чжана ласковыми словами, провёл его в комнаты и поставил перед ним чашку чая.

Говорит Сюй Вэнь-чжан:

— Ты не стесняйся, старый друг. Есть чай — давай чай! Есть трубка — давай трубку!

Принёс ему хозяин трубку. Сидит Сюй Вэнь-чжан, покуривает и говорит:

— О, ты не беспокойся обо мне, старый друг. Есть трубка — давай трубку! Есть вино — давай вино!

Послал хозяин жену свою за вином. Поставил вино перед гостем. Пьёт Сюй Вэнь-чжан и приговаривает:

— Ты очень гостеприимен, старый мой друг. Есть вино — давай вино! Есть овощи — давай овощи!

Послал хозяин жену за овощами. Принесла жена овощи. Поставила перед гостем.

Увидел Сюй Вэнь-чжан овощи и говорит:

— Стоит ли так беспокоиться! Есть овощи — давай овощи! Есть мясо — давай мясо!

— Извини, Сюй Вэнь-чжан, — говорит хозяин. — Мясо во всех лавках уже продано сегодня. Не могу я тебя мясом угостить.

— Стоит ли беспокоиться! — говорит Сюй Вэнь-чжан. — Если в лавке нет мяса, то, конечно, его там не купишь. Коль негде мяса купить, давай зарежем моего осла — вот и мясо будет!

— Осла твоего можно зарезать, — говорит хозяин. — Но на чём же ты домой поедешь?

— Да стоит ли беспокоиться! — отвечает Сюй Вэнь-чжан. — Я уж как-нибудь и на курице твоей доеду. Вон она у тебя под ногами вертится!..

Пришлось хозяину курицу резать.

ПРО ЧЖАН СЯО-ЦИ И ЛИ КЭ-БАО

Очень давно жили в стороне от селений две крестьянские семьи.

Фамилия одной семьи была Чжан, а хозяина звали Сяо-ци.

Другая семья носила фамилию Ли, а хозяина звали Кэ-бао.

Однажды весной кончилось в доме Кэ-бао топливо. А корзина, с которой он за топливом ходил, износилась. И пошёл он к Сяо-ци корзину взаймы попросить.

Пришёл к нему и говорит:

— Брат Сяо-ци! У меня в доме топить нечем, топливо кончилось. Дай мне твою корзину топлива принести.

Услышал эту просьбу Сяо-ци и повёл такую хитрую речь:

— Конечно, у меня есть корзина. Но только она не под рукой, а на крыше фанзы лежит. Не то чтоб я не хотел дать тебе её взаймы, а просто трудно достать её. Ты вот высокий, и то не достанешь. Тут без лестницы никак не обойдёшься! А ведь ты знаешь, что лестницы у нас с тобой нет...

Выслушал его Кэ-бао. Понял, что не хочет сосед ему корзину дать. Разозлился. «Ну что ж, — думает, — скупец Сяо-ци! Подожди, придёшь и ты ко мне!»

Прошло время. Дождей нет. Стал у Сяо-ци хлопок на поле сохнуть. А колодец как раз у Кэ-бао был.

Пошёл Сяо-ци к Кэ-бао и говорит:

— Брат Кэ-бао! У меня скоро весь хлопок посохнет и погибнет. Разреши мне несколько дней попользоваться водой из твоего колодца — хлопок полить.

Выслушал его Кэ-бао. Вспомнил, как тот ему корзину дать отказался, и говорит:

— Колодец, конечно, есть у меня! Но только не под рукой, а там — за фанзой. Не то чтоб я не хотел дать тебе воды из колодца, а просто невозможно достать её. Той верёвкой, которую ты принёс, и то не достанешь. Колодец глубокий. Тут без лестницы никак не обойдёшься. Но ты ведь знаешь, что нет у нас с тобой лестницы!..

Услышал Сяо-ци эти слова, покраснел до ушей, ничего не ответил. Не полил хлопок, а через несколько дней и погибли его посевы.

БОГАТЫЙ И БЕДНЫЙ

Однажды богач спрашивает бедняка:

— Почему ты так непочтителен со мной? Ведь у меня есть тысяча золотых монет!

— Что мне оттого, что у тебя есть тысяча монет? — отвечает бедняк. — Почему я должен быть почтительным с тобой?

— Разве ты не должен почитать меня? — говорит богатый. — Ведь я могу дать тебе половину своих монет!

— Если ты дашь мне половину своих монет, — говорит бедняк, — то у тебя будет пятьсот и у меня пятьсот. Почему же я первый должен оказывать тебе почтение?

— Хорошо, — говорит богатый. — Но ведь я могу отдать тебе и всю тысячу! Неужели и тогда ты не станешь почитать меня?

— Если ты отдашь мне тысячу золотых монет, — отвечает бедняк, — то у меня будет тысяча, а у тебя ничего. Разве не ты должен первым оказывать мне почтение?!.

ТРОЕ

Шли по дороге трое. На полпути застала их ночь. Вперёд итти далеко и назад возвращаться некуда. Делать нечего.

Стоял в этом месте у дороги разрушенный дом. Там они и расположились.

А был как раз самый холодный месяц. Вода замёрзла. Снег шёл. Ветер дул.

Дрожа от холода, уселись они рядышком.

— Ах! — говорит Чжан. — Какой холод!

— Ух! — вторит ему Ли. — Руки-ноги мёрзнут!

— М-да! — соглашается Ван Конопля. — Совсем замёрзнуть можно!

Сказали и молчат.

Прошло немного времени.

— Принести бы нам хворосту охапку, — снова начинает Чжан, — можно было бы костёр разжечь!

— Вот правда! — говорит Ли. — Если принести хворосту да разжечь костёр — не холодно было б!

— Правильно! — говорит Ван Конопля. — Принести бы хворосту да разжечь костёр — можно было б согреться и ночь в тепле провести!

Сказали и снова молчат.

Прошло ещё немного времени. Мороз крепчает.

— Ли! — вздыхает Чжан. — Принеси хворосту! Я ноги отморозил.

— Ван Конопля! — говорит Ли. — Сходи за хворостом! У меня живот замёрз!

— Пусть Чжан сходит! — отвечает Ван Конопля. — У меня голова замёрзла так, что и не встать!

Сказали и снова молчат.

А время идёт. Мороз всё крепчает.

Чжан думает: «Вы не идёте за хворостом, меня посылаете. Но я не работник для вас!»

«Сами не идут, — бормочет Ли, — меня посылают! Но я не дурак!»

«Вы не идёте, — решает Ван Конопля, — и я тоже не пойду! Меня не обманешь!»

Прошло полночи. Снегу ещё больше намело. Ветер усилился. Мороз ещё крепче стал.

Чжан думает: «Ох, и холодно ж им! Кто-нибудь да сходит за хворостом!»

«Мороз страшный! Один из них всё-таки принесёт хворосту!» — шепчет Ли.

«Терпеть больше невозможно! — думает Ван Конопля. — Они наверняка пойдут за хворостом!»

К утру все трое замёрзли...

Перевёл и обработал В. Туркин

ЗАЯЦ И ЗАЙЧИШКА

О. СЛЁЗКИНА

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

На опушке леса резвились зайчата: прыгали через пни, учились путать свои следы. А старый заяц спал здесь же, меж корней дуплистой берёзы. Как все зайцы, он спал с открытыми глазами, насторожив уши. Зайчата ещё глупы, неопытны. Долго ли до беды! Старому зайцу не раз приходилось выручать их.

Забрался как-то один зайчишка в огород. А собака тут как тут. Побежал зайчишка от неё в поле, она за ним. Он в лес, она в лес. Он за куст, она за ним... Гоняла, гоняла, покуда он вконец выбился из сил. Еле добежал до опушки.

Старый заяц лежал под деревом. Он выглянул, понял, в чём дело, с силой оттолкнулся задними ногами от земли и отпрыгнул далеко в сторону от своей лёжки. Зайчишка, дрожа, забился на его место.

Прибежала собака на опушку, увидала зайца — ей и невдомёк, что это другой заяц, — погналась за ним. Вот тут-то и пригодилась заячья наука путать след!

Старый заяц долго водил собаку за собой по полям и оврагам. Она устала, высунула язык. А заяц всё больше путал следы: сделает прыжок в сторону, встанет на задние лапы, увидит, что собака далеко, — вернётся на прежний след. Пробежит немного по своему следу, опять сделает два-три прыжка в сторону и опять вернётся. Таких петель наплёл, что собака сбилась с толку — не знает, по какому следу бежать. Довёл её заяц до болота, тут и вовсе следа не сыщешь!

Полакала собака воды из болотца и повернула к дому.

А старый заяц сидел себе на пеньке по ту сторону болота и шевелил усами, будто посмеивался.

ПЕТЕР СИЛС   Рис. В. КОБЕЛЕВА

Книга

Открываешь книгу ты, —
Шелестят её листы!
На листах —
За рядом ряд —
Буквы чёрные стоят.

Надо знать их имена,
И тогда про всё вокруг
Поведёт с тобой она
Речь, как самый верный друг.

И про солнце,
И про снег,
И про силу буйных рек,
И про то, как эти реки
Покоряет человек.

Книга всё тебе расскажет,
С ней беседа не наскучит.
Край родной она покажет
И любить его научит!

Однажды наковальня загремела:
— Я всех важней,
Я всех нужней для дела!
Кусок железа, от накала жгучий,
Я на плече держу своём могучем.

Тут молот, на неё в обиде,
Сказал:
— Оставь-ка спесь свою!
Ты лишь гремишь, на месте сидя,
А ведь железо я кую.

Горн возразил:
— Да как бы ты ковал,
Когда б железо я не нагревал?

Мехи вздохнули:
— Дело всё за нами!
Ведь мы, вздыхая,
Раздуваем пламя.

Наверно, долго шёл бы спор,
Но тут кузнец вмешался в разговор:

— Приятели!
Вы всё себя хвалили,
А обо мне забыли.
Но как за дело мы бы ни брались,
А друг без друга
Нам не обойтись.
Отдельно и гвоздя вы не скуёте.
Лишь вместе мы сильны в работе!

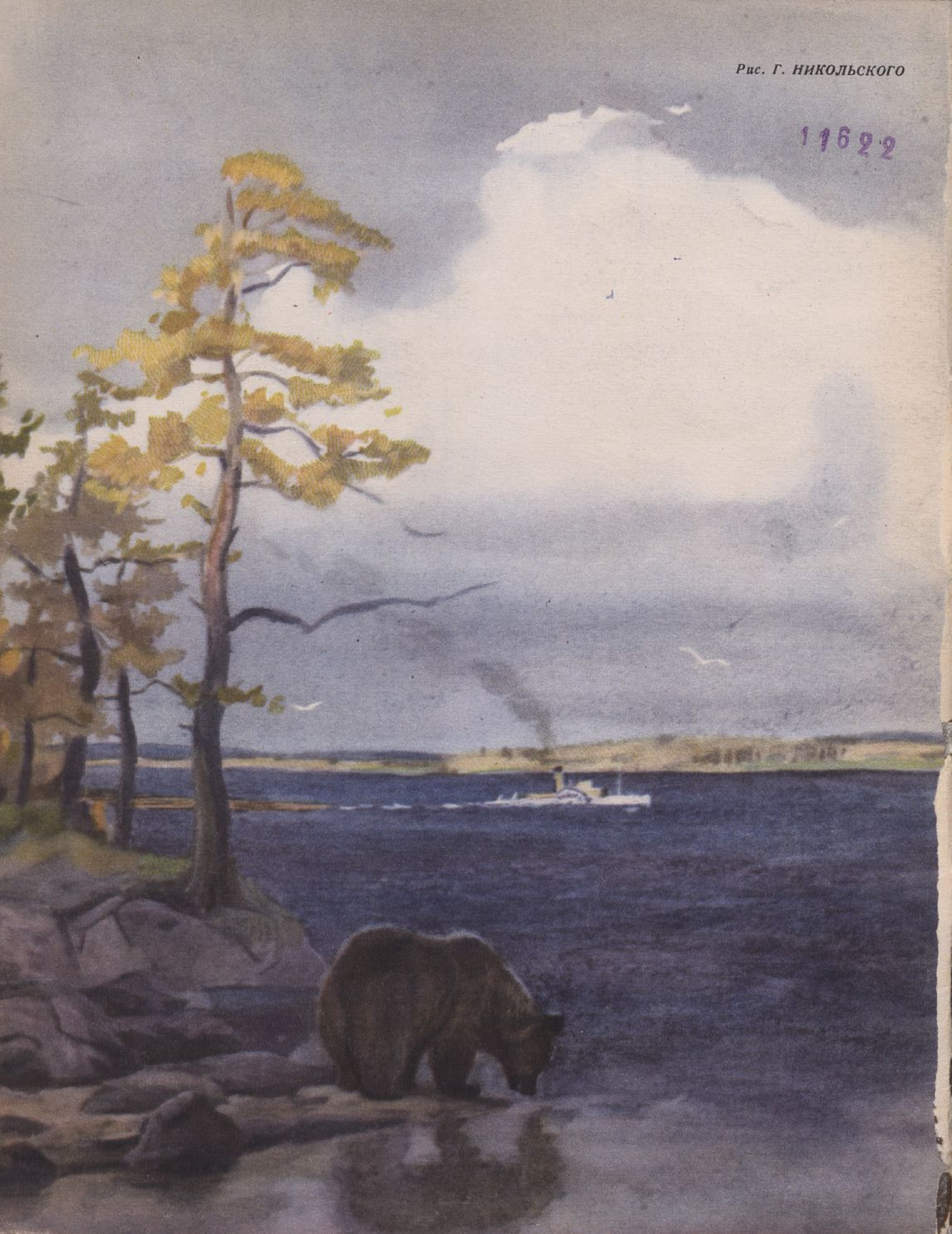
Перевод с латышского

На обложке—рисунок В. Щеглова „Первый концерт“

Год издания двадцать девятый   **Цена 1 руб.**   Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21.   Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06.   А05427   Подписано к печати 4/IX 1953 г.
2,8 уч.-изд. л.   Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л.   Тираж 325 000 экз.   Заказ 1706

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО